

Виктор ТОЛКАЧЕВ, писатель. Заслуженный работник культуры РФ

КАТЕГОРИЯ ПРАВДЫ

По мотивам повести Фёдора Абрамова «Вокруг да около».

Категория правды – это философское понятие, близкое по значению к понятию «истина». Но в русской философии оно служит выражению дополнительного смысла, указывающего, с одной стороны, на подлинную вселенскую истину, а с другой – на предельную личную убежденность говорящего об окружающем мире.

То есть, ПРАВДА – это подлинность событий и то, что соответствует действительности – высшее воплощение всего положительного...

С выходом повести «Вокруг да около» в нашем обществе появилось и живёт понятие ПРАВДА Фёдора Абрамова.

Очерк вышел в январском номере журнала «Нева» за 1963 год, и был посвящен памяти брата Михаила, рядового колхозника. Наполнен жизнью рядовых колхозников, раскрытой художественным методом «хождения в народ» председателя колхоза Анания Егоровича. Как у Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо?», Данте Алигьери в «Божественной комедии», как в греческом апокрифе «Хождение Богородицы по мукам».

Как была воспринята повесть читателями того времени, времени «оттепели»? Первые, «мартовские» отзывы в «Литературной газете» были одобрительными. И исследователи долго недоумевали – почему началась такая «проработочная буря». Но Абрамов знал. Ему передали: в феврале повесть «Вокруг да около» обсуждалась в ЦК и вызвала недовольство и резко отрицательную оценку Никиты Сергеевича Хрущева.

Реакцию власти можно выразить кратко: обсудили - осудили.

В «Известиях» сняли уже набранную положительную рецензию; затем разобрали гранки статьи – один из лучших откликов! – в «Новом мире».

Был снят с работы редактор «Невы» Сергей Воронин. На печатание произведений Абрамова наложен негласный запрет, длившийся пять лет...

И в апреле-мае, как по команде «ату его!», на Абрамова обрушилась чуть ли не вся печать страны. «Советская Россия», орган ЦК КПСС, сравнила писателя с заморским туристом, который в брючках и беретике набекрень бродит по городу и выискивает кучи мусора на задворках. «Где же ты, инженер душ человеческих, на каких задворках выискал такое беспросветное село?» Вслед за газетой ЦК все СМИ как с цепи сорвались. Со страниц «Правды», «Известий», «Ленинградской правды», «Вечернего Ленинграда», «Литературной газеты», «Литературной России»; журналов: «Вопросы литературы», «Коммунист», «Знамя», «Крестьянка»; с трибун областных и районных партийных

пленумов сыпались обвинения журнала «Нева» в грубейшей политической ошибке – публикации повести. И даже «Правда Севера», в организованном «открытом» письме односельчан, требовательно спрашивала Абрамова: «К чему зовёшь нас, земляк?»

Восемь месяцев продолжалась травля писателя Абрамова: «идейно-порочный очерк», клевета на колхозы, искаженное представление современной деревни, «сгущение недостатков, всё «нарочито, мрачно, ущербно», «предложил ложный путь личного обогащения», сомневается «в силе и правильности колхозного строя»...

Власти, как всегда, были нужны не праведники, а угодники. В защиту Абрамова не выступил никто.

Что же вызвало яростно негативную реакцию власти, выраженную послушной прессой? Вот, кратко, отражённая жизнь и события колхозной деревни в стране социализма, строящей коммунизм в восприятии авторского героя. Это фрагменты из яркой, цветущей всеми красками жизни, сельской глубинки. Моя задача, как говорил пушкинский Сальери: музыку я разъял, как труп, поверил алгеброй гармонию».

Вот эти болевые точки и жизни, и повести:

«**Как?** В наше время и нищая? Да кто же она такая? Оказалось, Авдотья Моисеевна – бывшая колхозница. Одинока. Без родни. Был сын, да «пропал за слова»... Правление назначило ей пенсию: десять кило зерна в месяц и четыре воза дров на зиму - первую пенсию за всё существование колхоза».

«От Никанора Тихоновича осталось четверо ребят. Хозяйке одной их не поднять. Да разве не заслужил он своей многолетней работой в колхозе, чтобы позаботились о его семье?.. Дом Михей Лукича такой, что он из малицы не вылезает, спит в печи. Нет денег! В прошлом году на трудодень выдали по тридцать копеек, а в этом уже пятый месяц не авансировали колхозников... **Нужна пенсия!**»

«**Я** всё летичко на пожне выжила – сколько заработала? А у меня ребятам в школу скоро идти – ни обувь, ни одеть. Думаешь, сладко в лесу-то бродить? зуб на зуб не попадает, нитки сухой на тебе нету. А бродишь. Короб грибов сдашь – всё какая ни какая копейка в доме». **А пенсии нету!**

«**Надо** бы тебя не чаем угощать, дорогой гость!... А светлого у бабушки нету. Была тут маленькая, да внук выманил. Позавчера вкатывается пьяный: "Бабка, давая вина, а то подожгу". – "Что ты, говорю, пьяна харя, не стыдно бабке-то так говорить?" А потом отдала всё, от греха подальше...». **Проблема молодёжи.**

«Про урожай? А, про урожай!.. Тогда ответь, что выгоднее сеять: березу или жито? Вопрос не ясен?.. Мать твою так... не ясен! Сходи в те же навины. Раньше мы с полей хлеб возили, а теперь дрова». **Проблема брошенных земель**

«Знаешь дом Прохорова? Большущий, двухэтажный домина в верхнем конце? В тридцатом году его раскулачили... Зазря сгноили мужика на Соловках. Горбом своим нажил. А все завидовали ему... У них под рукомойником-то не лоханка, а медный таз».

Вопросы социальной справедливости.

«В поле, за изгородью, новый сруб, а на углу сруба Иван Яковлев – один из тех вчерашних колхозников, которые пополнили армию рабочих леспромхоза. «Я ведь худо-бедно сто-сто пятьдесят рублей в лесу выколачиваю». «Вот колхоз подыдем, и с рублём повеселее будет». «Тогда подождем... Нам не к спеху». **Заколдованный круг!** Чтобы сделать полновесным трудовень, надо, чтобы работали люди. А чтобы работали люди, надо, чтобы был полновесный трудовень. Где выход? В райкоме говорят: плохо руководишь, ослабил агитацию в работе. А как агитировать нынешнего колхозника? Без рубля до него агитация не доходит». **Нет материальной заинтересованности!**

«В войну мы не загорали... Пройди-ко по навинам-то – ещё теперь мозоли с полей не сошли. Колхозили – рубахи от пота не просыхали. А теперь всё заросло. Лес вымахал – хоть полозья гни... Иди, я всё в глаза высказала. Любо, не любо – слушай. С меня спрос не велик: пережиток. Так нас, старух, всю жизнь звали. Чуть, маленько начальству не угодишь, давай пережитками корить... Памятник бы поставить этим пережиткам!» **Вопросы социальной справедливости.**

«Всё у Петуни было подчинено рынку. Вместо маленькой грядки с луком тут была целая луковая плантация. И уж лук, так лук – не чета колхозному: перо синее, сочное; а луковицы до того крепкие да ядрёные – будто репа. За грядами лука парники с огурцами – овощью, всё ещё не освоенной здешними колхозами, а затем шла длинная гряда с картошкой. И живёт – помощи не просит... А мы пятнадцать лет поднимаем колхоз!»

«...Десять процентов на трудовень от общей массы собранного колхозом сена вот оплата труда... А это значит, что колхозник, чтобы заработать на свою корову, должен поставить сена по меньшей мере на восемь – девять коров... Пытаемся обойти этот порядок. Но тут раздаётся грозный окрик районного прокурора или секретаря райкома: «Не смей! Антигосударственная практика! Поощрение частного сектора...»

Нет материальной заинтересованности в колхозах

«Я человеком себя не чувствую, это ты понимаешь?.. Я, как баран колхозный, без паспорта хожу... Почему у меня нет паспорта? Не личность я, значит, да?... Все

колхозники паспортов не имеют. А почему не имеют?..Паспортизация в сельской местности не проведена. А почему не проведена?!...»

Вот она, правда писателя: подлинность событий и образов, всё соответствует действительности и направлено на благо человека.

Организованная «сверху» травля писателя Абрамова показала растленную и убогую в своей силе, часть нашего общества.

Очерк его оказался в центре внимания руководства страны. ЦК конечно, получало от КГБ секретные сводки о социально-политической ситуации в стране и знало об острых проблемах колхозов и сельского хозяйства. Но теперь, к недовольству и ярости верховной власти об этом узнали и 200 тысяч подписчиков журнала «Невы». А потом травля, в основе которой раздражение; «Да кто он такой, что бы...». А в результате травли писателя, правду о крестьянах-колхозниках узнали миллионы граждан нашей страны и за рубежом, где повесть была высоко оценена литературной критикой и уже через год напечатана в Англии на английском и русском языках.

Проблемы советской деревни, обнажённые повестью «Вокруг да около» и ставшие известными всему миру; тревожили власть, усиливали социальное напряжение и требовали решений. Уже 22 февраля 1963-го (через месяц с небольшим) выходит Постановление Совмина РСФСР «О некоторых вопросах развития сельского хозяйства Архангельской области». Естественно, оно выделяет ресурсы, его обсуждают обкомы и райкомы республики, анализируют ситуации, предлагают меры.

Архив бывшего Архангельского обкома хранит много документов о той работе, которую задала партийным, советским и хозяйственным работникам страны повесть писателя Абрамова. Вот один, от 06.11.63 г.:

«В соответствии с запиской тов. Хрущёва Президиуму ЦК КПСС «О некоторых вопросах подъёма экономики отстающих колхозов и совхозов» в Пинежском районе признаны экономически отсталыми колхозы «Стахановец», им. Калинина, «Путь к коммунизму» и «Искра». Анализ экономики показывает, что... отставание трудно преодолеть не пополнив колхозы рабочей силой... Сделать это не представляется возможным ввиду слабой экономики и низкого уровня оплаты труда. К тому же рядом с этими колхозами... расположены лесозаготовительные предприятия – Сосновский, Лавельский и Карпогорский леспромхозы, где условия труда, жизни, быта и заработная плата в несколько раз выше, чем в колхозах. Не случайно, многие колхозники ушли из колхозов, работают в этих предприятиях, имеют собственные дома на территории колхозов, проживают в них, но вернуться в колхозы не желают...

Исходя из вышеизложенного, Пинежский районный сельский партком и райисполком районного ходатайствует о передаче в подсобные хозяйства колхоза «Стахановец» Сосоновскому леспромхозу, колхоза им. Калинина Лавельскому леспромхозу, колхоза «Искра» Карпогорскому леспромхозу»

Может, писатель Абрамов, по обвинениям его критиков, и сомневался «в силе и правильности колхозного строя» (чего в повести нет), зато документы свидетельствуют о том, что сами партийные и советские руководители уже не верили в жизнеспособность колхозов и предлагали их ликвидировать.

И вот ещё один человеческий документ жизни:

«В Архангельский обком КПСС.

Жалоба т. Абрамова Александра Петровича в редакцию газеты «Сельская жизнь» проверена на месте и рассмотрена на партийном собрании колхоза «Путь к коммунизму». Со стороны т. Абрамова А.П. были неоднократные заявления об уходе из колхоза, однако правление и парторганизация колхоза в просьбе ему отказали... За последние три года тов. Абрамов неоднократно уходил самовольно из колхоза в другие организации, бросая ответственные участки работы в колхозе. В апреле 1963 года, выкрыв из стола бухгалтерии печать и штамп, подделав подпись председателя колхоза под текстом справки о том, что он не является членом колхоза, устроился на основании этого документа в Карпогорский леспромхоз. Решением партийного собрания колхоза «Путь к коммунизму» за самовольный уход из колхоза и подделку документов тов. Абрамов А.П. исключён из членов КПСС, дело передано в следственные органы. Секретарь Пинежского районного парткома Амосов. 13 ноября 1963 года.»

Так колхозный бригадир, коммунист Александр Абрамов пошел на всё: выговор и исключение из партии, даже на преступление, чтобы перестать быть «бараном колхозным» и беспаспортным крепостным колхоза «Путь к коммунизму». Чтобы стать **личностью**. В стране наступила «оттепель».

И будто под воздействием абрамовской повести, под напором справедливых заявлений её героев, буквально поэпизодно, Правительство начинает принимать одно за другим Постановления: о развитии сельского хозяйства в Архангельской области, о приусадебных участках, о принципах материальной заинтересованности в колхозах.

Через полтора года после выхода повести выходит Закон СССР (15.07.1964) «О Пенсиях и пособиях членам колхозов - по старости, по инвалидности, по случаю потери кормильца и пособий для женщин-колхозниц по беременности и родам.

Сколько об этом выстраданных слов у героев повести – у автора!

И наконец, в 1974-м, впервые за сорок два года действия паспортной системы в СССР, колхозникам стали выдавать паспорта!

Ещё в 1964-м, когда появились первые правительственные решения по колхозам, Абрамов записал в дневнике: «Для меня это праздник. Моя правда победила. Что-то теперь скажут о «Вокруг да около»... Второй раз я оказываюсь правым. Первый раз в 1954-м (критическая статья «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе»), второй – сейчас. И почему бы не снять проклятие с моего «Вокруг да около»?..»

Наивный великий человек! Кто бы мог снять «проклятие», наложенное недовольством самого Никиты Хрущёва? Об этом и думать никто из руководства страны не думал. Если кто думал – сказать боялся.

Вроде, надо бы благодарить, в пояс поклониться писателю за высказанную правду. Но никто из руководства и официальных лиц не благодарил. И никто из «критиков» не покаялся. Писателя Фёдора Абрамова продолжали травить и не печатать.

Одна из читательниц написала: «Если Вас не посадят, то хорошо...».

И «реабилитация» повести в печати шла медленно.

Только, в 1973-м – через 10 лет! - в московском сборнике «Последняя охота», вновь увидела свет многострадальная, одна из лучших повестей борца, воителя за правду, за человека в человеке, писателя Фёдора Абрамова. Повесть почти так и начинается: «А надо стоять на своём. Надо драться за правду! Не один же райком стоит над тобой!»

Таким образом, подводя итог исследованиям и размышлениям, считаю, что категория правды АБРАМОВА существует и действует.

Это динамичная истина в художественном образе, это нравственные действия во благо людей; это народное правосудие и человеческая справедливость. В ней, в правде Абрамова, как в капле воды отразились правда искусства и сила Слова.

Слова, которое было в начале. Слово, которое, как говорил Абрамов, «двигает народы, двигает материки»!

Слово правдоискателя и правдосказателя Фёдора Абрамова.